

В Южном Провансе, западнее Ниццы, Канн и Сен-Тропе, располагается Жьенский мыс. Это полоска земли шириной около двух километров, вытянувшаяся узким рукавом с севера на юг, как рука, протянутая Францией в сторону Африки. У основания мыса расположен небольшой город Иер, на южном, расширяющемся конце — совсем маленький городок Жьен, крошечный поселок Тур Фондю и несколько рыбацких деревушек. По краям мыса с одной стороны проложено шоссе, связывающее Жьен с остальным Провансом, с другой — велосипедная дорожка. Средняя часть мыса залита соленой водой, в которой неторопливо бродят стада розовых фламинго. По берегам моря вдоль мыса прячутся в пышной зелени бело-снежные виллы.

Здесь не селятся звезды кино и шоу-бизнеса, как в Каннах, знаменитые дизайнеры и «новые русские», как в Сен-Тропе. Владельцы здешних вилл — немногословные, сдержанные люди, которым не нужна скандальная известность: ушедшие на покой биржевые дельцы, финансисты, владельцы солидных фирм, известные адвокаты. Жизнь в

окрестностях Жьена тихая и неторопливая, она течет по раз и навсегда заведенному порядку, как будто на дворе не двадцать первый век, а середина двадцатого, а то и конец девятнадцатого.

Каждое утро мадам Селье, экономка владельца виллы «Мадлен», приходит в маленькую кондитерскую на центральной площади Жьена, чтобы купить свежих круассанов и поболтать с хозяйкой заведения мадам Маню.

— Кажется, сегодня будет дождь, — говорит мадам Маню, аккуратно укладывая теплые круассаны в яркий пакет. — Надо будет убрать с улицы стойку с открытками...

— У вас чудесно расцвела японская камелия! — с пониманием отвечает мадам Селье. — Вы ее чем-то удобряете?

— Конечно! Если хотите, я дам вам немножко этого удобрения.

— Вот кого я совершенно не понимаю, так это господина с виллы «Ротонда», — продолжает мадам Селье, немного понизив голос. — Иметь такую прекрасную виллу и огородить ее глухой стеной! Нет, я его совершенно не понимаю!

Действительно, среди остальных жьенских вилл, окруженных невысокими белыми стенами или ажурными коваными оградами, над которыми нависают пышные лиловые грозди цветущей глицинии, пламенеющие ветви бугенвиллеи, разноцветные плети дамасской розы, вилла «Ротонда», окруженная глухой трехметровой стеной, выглядела, как мрачный военный корабль, случай-

но затесавшийся в яркую стайку нарядных прогулочных яхт.

— Вы знаете, я никогда не сплетничаю о соседях, — мадам Селье перегнулась через прилавок и еще немного понизила голос: — Но Люсьен, садовник из «Мандарина», говорил, что этот господин из «Ротонды» очень подозрительный тип! Он ни с кем не знается, никого не принимает... он не принял даже господина Лаватера, когда тот хотел нанести ему визит! Вы можете себе представить?

— И ничего не покупает у нас в городке! — вставила мадам Маню, неодобрительно поджав губы. — Ему все привозят откуда-то издалека, на специальном грузовичке! Подумайте только — он обходится даже без свежих булочек!

— Говорят, он то ли португалец, то ли мексиканец, а может быть, даже русский!

— И гости к нему приезжают очень подозрительные! — подхватила булочница. — Вот, смотрите — как раз приехал еще один! Прямо как в каком-нибудь детективном фильме! Помните этот фильм... то ли с Жаном Габеном, то ли с Аленом Делоном...

Действительно, по узкой улочке проехал длинный черный автомобиль и затормозил перед воротами виллы «Ротонда».

Камера над воротами медленно повернулась, просканировала подъехавшую машину, и ворота виллы медленно раздвинулись, пропустив гостя внутрь.

Черный автомобиль миновал подъездную аллею, развернулся и затормозил перед входом на террасу. К нему тут же подошли двое мужчин в черных, не по погоде, костюмах. Дверца автомобиля открылась, из него выбрался невысокий румяный толстяк лет шестидесяти с черным чемоданчиком в руке.

— Позвольте, доктор! — проговорил один из охранников, взяв из рук гостя чемоданчик.

Он отщелкнул замки, внимательно проверил содержимое. В то же время второй человек быстро и профессионально обшарил руками одежду прибывшего.

— Чисто! — Они обменялись взглядами, вернули гостю чемоданчик и пропустили его на террасу.

В дальнем конце этой террасы, откуда открывался изумительный вид на скалистые берега и лазурное безмятежное море, дремлющее в полуденном покое, в глубоком кресле сидел крупный, внушительный старик. Густые седые волосы, зачесанные назад, высокий лоб, изрезанный морщинами, делали бы его лицо красивым и благообразным, если бы не глаза.

Глубоко посаженные, тускло-серые, они смотрели на гостя со странной смесью подозрительности, угрозы и страха. И еще в самой глубине этих глаз таилась надежда.

На столике перед стариком стоял полупустой стакан, тяжелая, морщинистая рука лежа-

ла на подлокотнике кресла, вторая — на холке большой белоснежной собаки.

— Здравствуйте, док! — проговорил старик, попытавшись сложить лицо в приветливую улыбку. — Как добрались?

— Прекрасно, Алекс, прекрасно! — Гость быстро огляделся, остановился взглядом на стакане.

— Сок, всего лишь сок! — криво усмехнулся старик. — Я же не самоубийца!

— Я надеюсь, что так! — толстяк пожевал губами, покачал головой, наклонился над стариком, внимательно вглядываясь в его тусклые глаза с красными прожилками, в сухую, как старинный пергамент, кожу, в узкие губы нездорового синеватого оттенка. Он поставил на стол свой чемоданчик, открыл его, достал оттуда компактный кардиограф. Расстегнул пуговицы рубашки своего пациента, закатал рукава, закрепил на сухой коже электроды. С минуту следил за выползающей из прибора бумажной лентой, на глазах мрачняя.

— Ну что там, док? — осведомился старик с наигранной веселостью. — Сколько я еще протяну?

Толстяк молчал, потирая переносицу, и вдруг лицо старика исказилось яростью:

— Говори мне правду! Нечего разыгрывать тут дешевую мелодраму! Я не истеричная дамочка! Я должен знать, сколько мне осталось, с точностью до дня!

Белоснежная собака, почувствовав волнение

хозяина, тоже забеспокоилась, настороженно заворчала.

— С такой точностью не знает никто, кроме Господа Бога! — толстяк испуганно отшатнулся. — Но я уверен, что у вас в запасе не больше двух месяцев...

Собака подняла голову, вопросительно взглянула на хозяина.

— Два месяца? — задумчиво переспросил старик, мгновенно успокоившись.

— Это в самом лучшем случае. Если вы будете строго выполнять мои предписания.

— Буду, — старик резко кивнул. — А если мы сделаем то... то, о чем вы говорили?

— Ну... вы же знаете, какие в вашем случае возникают проблемы... — протянул толстяк, пряча глаза. — У вас очень, очень необычный случай! Можно сказать — уникальный!

— Это мои проблемы! — оборвал его старик. — Так вот — если мы это сделаем?

— В этом случае вы можете прожить еще очень долго, — врач суетливо потер руки. — Но только имейте в виду — я не хочу знать, как вы будете решать эти проблемы!

— Само собой, док, само собой! — успокоил его старик. — Но только вы уж будьте наготове!

— Разумеется. — Врач неторопливо убрал прибор, закрыл свой чемоданчик. — Вы — мой самый важный клиент, и я всегда в вашем распоряжении! Конечно, мне было бы гораздо спокойнее,

если бы вы находились в госпитале, но, как я понимаю, вы на это не согласитесь...

— Правильно понимаете, док! Здесь я в безопасности, среди своих людей, а в госпитале ни в чем нельзя быть уверенным...

— Ну что ж, тогда придется положиться на Господа Бога...

— Проводите дока! — произнес старик совсем негромко, но как будто из жаркого полуденного воздуха мгновенно появился охранник в черном и повел врача обратно к машине.

— И позовите Агата! — добавил старик.

Едва машина врача отъехала от террасы, возле старика появился невысокий худой человек неопределенного возраста с узким, бледным, невыразительным лицом.

При его появлении белоснежный пес насторожился, глухо заворчал, обнажив страшные клыки.

— Спокойно, Роджер, спокойно! — Старик потрепал собаку по шее и проговорил, обращаясь к вошедшему, не поворачивая головы и не повышая голоса: — Агат, список готов?

— Конечно, — на стол лег листок бумаги с аккуратно отпечатанным на нем перечнем имен и адресов.

— Сколько здесь? — процедил старик, наморщив лоб и вглядываясь в записку.

— Семь человек, — отозвался Агат.

— Россия... — прочел старик. — Италия... Кения... Снова Россия... Камбоджа... Австра-

*лия... и опять Россия. Ну что ж, все ясно. Начи-
най. Сроку тебе — месяц. Ни одного дня сверх!
Ты понял?*

*Агат кивнул, лицо его по-прежнему ничего не
выражало.*

*— Сделаешь — не пожалеешь, — продолжил
старик многозначительно. — А не сделаешь... —
И он выразительно замолчал.*

— Сделаю, — коротко ответил Агат.

*Он взял со стола список, щелкнул зажигал-
кой. Желтый, почти невидимый на полуденном
солнце язычок пламени лизнул бумагу. Агат, дер-
жа список за уголок, дал ему разгореться, затем
опустил пылающий листочек в пепельницу.*

— Свободен, — отпустил его старик.

*Едва Агат исчез за дверью, ведущей во внут-
ренние помещения дома, на веранду выскользнула
молодая миловидная горничная. Она подошла к
старика, заботливо поправила сбившуюся подуш-
ку, заменила недопитый стакан сока свежим,
забрала пепельницу и удалилась так же беззвуч-
но, как пришла. Старик проводил ее равнодуш-
ным, невидящим, углубленным в себя взглядом.*

*Оказавшись на кухне, горничная огляделась,
поставила на стол пепельницу с догоревшим спи-
ском, достала из кармана своего кокетливого
крахмального фартучка крошечный пузырек с
пульверизатором и несколько раз брызнула бес-
цветной, остро пахнущей жидкостью на обуглен-
ную бумажку.*

На черном фоне обугленной бумаги проступили серебристые, едва различимые буквы.

Горничная достала мобильный телефон, трижды сфотографировала на его камеру проявившуюся на бумаге надпись и тут же отослала снимки какому-то абоненту. Получив подтверждение приема, она тщательно размяла обугленный листок и смыла пепел в раковину сильной струей горячей воды.

Процедура сильно напоминала поступление в тюрьму, только сразу оговарюсь, что сведения мои почерпнуты исключительно из сериалов. Сами посудите: тебя сажают перед камерой и суровым голосом командуют: смотреть прямо перед собой, не улыбаться, не кусать губы и не чесать нос. Потом повернуться в профиль и застыть, волосы не поправлять и не косить глазом по сторонам.

После того как у меня свело судорогой мышцы лица, молодой человек в наимоднейших очках, командовавший процедурой, смилостивился и разрешил повернуться анфас, только велел закрыть глаза. По инерции я собралась вытянуть перед собой руки, ибо происходящее стало здорово напоминать визит к невропатологу. Мне бы не помешало пообщаться с хорошим врачом, успокоительное бы выписал, что ли. Хотя, что толку? Проблем моих никакое лекарство не решит, разве что мышьяк или лучше цианистый калий, чтобы уж наверняка и

без мучений. А так получится как в старом анекдоте, доктор спрашивает: помогло? Перестали просыпаться по ночам с жутким воем? Больной отвечает: по-прежнему вою, жена ушла, собака сбежала, но мне, доктор, после вашего лекарства все это теперь до лампочки...

— Откройте глаза, — скомандовал молодой человек, — и почитайте стихи.

— Какие? — растерялась я.

— Любые, какие помните, — в голосе его я услышала явно выраженную скуку, и очки блеснули равнодушно.

Конец! Сейчас меня вытурят! Вожделенная работа уплывала в туманную даль.

С перепугу я забыла, что приготовила на выбор два стихотворения Цветаевой и Ахматовой. То есть забыла, что учила вчера весь вечер. Из Цветаевой всплыли две строчки: «И стон стоит вдоль всей земли: «Мой милый, что тебе я сделала!»

Эти слова запали мне в душу накрепко, поскольку за последние две недели я повторяла их слишком часто. С Анной Андреевной же обстояло еще хуже — ну вообще не помню ни слова!

От полного отчаяния и безысходности я начала бормотать первое, что пришло в голову:

Грустно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют.
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика жуют.

Плачет маленький теленок
Под ножом у мясника,
Рыбка бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Бык ревет во мраке ночи,
Ветер воет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе...

Я понемногу начала входить во вкус, голос зазвенел.

— Это вы сами придумали? — спросил молодой человек и даже снял очки.

Теперь в глазах его блестел несомненный интерес.

— Что вы! — Мне было неудобно его разочаровывать: — Это Николай Олейников, из береутов... А что, не подходит?

— Ну почему же, подходит. До вас все девушки Цветаеву читали — знаете, это «Мой милый, что тебе я сделала?..». Вот я и удивился. А теперь прочитайте эти стихи лично для меня, как будто хотите сделать мне что-то хорошее.

Вообще-то это я хотела, чтобы он сделал мне кое-что хорошее, а именно: из всех ста пятидесяти кандидаток, присутствующих на кастинге, выбрал бы меня. Кастинг проводился для фильма о первой русской женщине-авиаторе, и режиссер, как мне объяснили, устал от засилья на экране одних и тех же опостылевших физиономий, и продюсеры разрешили ему искать героиню среди обычных женщин, даже не обязательно актрис. И летать уметь необяза-

тельно, это-то для меня важно, потому что я не только летать, я на велосипеде-то кататься толком не умею, не говоря уж о вождении автомобиля. А в любовники героини возьмут, к примеру, Машкова, или Меньшикова, или Хабенского, тогда публика пойдет, просто валом повалит, и будут хорошие сборы. А если фильм будет иметь успех, то я прославолюсь и получу потом много ролей. Стану много сниматься, мои фотографии обойдут все журналы...

Перед глазами замелькали кадры: вот я в Московском доме кино на премьере, вот в сопровождении режиссера стою на знаменитой красной дорожке в Каннах, вот — полный триумф! — я на «Оскаре» в шикарном вечернем платье, и Николь Кидман и Пенелопа Крус провожают меня завистливыми взглядами... И где-то там, вдали, у плохо работающего телевизора сидят Альбина с Володькой и смотрят на меня — такую красивую, богатую, знаменитую и недоступную.

«Как же я была не права и несправедлива к бедной девочке!» — вздыхает Альбина и утирает глаза.

«Ты! — пылко восклицает Володька. — Ты виновата во всем! Ты разлучила нас, ты разрушила нашу любовь, ты за все в ответе!»

— Хм! — в мысли ворвалось деликатное покашливанье молодого человека в очках. — Так как насчет стихов? Мне можно надеяться?

— Простите! — Вечно меня заносит в са-

мый неподходящий момент. Казалось, бы, розовые очки, плотно сидящие на моем носу с самого детства, давно уже слетели под давлением обстоятельств. Так нет же, время от времени я превращаюсь в себя прежнюю и продолжаю мечтать. Во всем, что я представила сейчас так ясно, нет ни слова правды. Разве только слова Володьки, он в своих неблагоприятных поступках обвиняет всех, кроме себя, это его кредо.

Мне же сейчас нужно срочно сосредоточиться и постараться произвести самое хорошее впечатление на своего собеседника. И я забормотала снова про рыбку, быка и теленка, а потом про блоху мадам Петрову, стараясь говорить как можно ласковее. Однако на нежное признание эти стихи ну никак не тянули, и молодой человек сердито блеснул очками.

Тихо прыгает букашка
С беспредельной высоты.
Расшибает лоб, бедняжка,
Расшибешь его и ты!—

вкрадчивым голосом пообещала я своему собеседнику. Получилось неубедительно.

— Ну ладно, — сказал он, — теперь прочитайте эти стихи как перед толпой, как будто с трибуны бросаете не слова, а камни.

Чувствовалось, что ему порядком надоела вся эта фауна, но он привык хорошо выполнять свою работу, оттого и не гонит меня прочь.

Все погибнет, все исчезнет!
От бациллы до слона,

И любовь твоя, и песни,
И планета, и луна... —

загробным голосом завывала я.

— Достаточно, — вежливо прервали меня, — вы свободны.

— А когда я узнаю о результатах? — Для того чтобы задать этот простой вопрос, понадобилось все мое мужество.

— Ну, из всего, что снято, сделают ролик на полминуты и покажут режиссеру. Сами понимаете, решать буду не я, — он снял очки и улыбнулся, отчего лицо показалось обыкновенным и даже приятным. К тому же я заметила, что он не так уж и молод, тридцать уж точно есть. Мнда-а, работенка-то у него тоже не сахар, кандидаток почти двести штук, с каждой он возится не меньше получаса, а результат — полуминутный ролик. И так — двести раз.

— Работа есть работа, — он совершенно правильно прочитал мои мысли, — девушки еще ладно. А парни все Маяковского читают, стихи о советском паспорте, представляете? Как будто больше в школе ничего не проходили!

— Сочувствую вам, Гера. — Я прочитала на бейджике «Герман Прохоров» и что-то там еще насчет его должности. Да, собачья должность, что уж тут говорить!

Он снова улыбнулся, развел руками и постукал по своим часам. Все ясно, пора и честь знать.

Каждое утро рядом с набережной в городке Ринкон, как и в сотнях других прибрежных городов Испании, открывается рыбный рынок. На его прилавках грудами лежат креветки и рапаны, морские гребешки и лангусты, кишат свежие осьминоги, каракатицы и кальмары, только на рассвете выловленные загорелыми обветренными рыбаками. Все это изобилие шевелится и сверкает на солнце, переливается всеми цветами радуги и издает восхитительный, ни с чем не сравнимый запах моря, запах свежести и дальних странствий.

Домохозяйки и повара, владельцы маленьких ресторанчиков и рыбных закусовых обходят ряды, ощупывают товар, прицениваются к сепии и дораде, к морскому языку и мидиям, к лангустам и «орешкам Сантьяго», к тунцу и морскому черту, выбирают самых крупных креветок и моллюсков. Через три часа этот рынок закрывается, непроданный товар заберут оптовики и хозяева лавок-пескадерий.

Ранним утром вдоль рядов рыбного рынка шла высокая пожилая женщина с загорелым лицом и коротко стриженными седыми волосами. С ней уважительно здоровались ринконские рыбаки, хозяева магазинов и закусовых, она отвечала на приветствия сдержанным кивком, разглядывала товар, но ничего не покупала.

Пожилая дама шла на пристань, где ее уже ждал Пабло, хозяин лодки «Санта Кармен».

Увидев на причале приближающуюся женщи-

ну, Пабло завел мотор и приготовился отдать швартовы.

Она ловко перебралась по сходням на борт лодки, поздоровалась с хозяином.

На первых порах Пабло норовил подать ей руку, но заметил недовольство клиентки, а кроме того, почувствовал мужскую твердость ее сухой руки и уверенность, с какой она шла по узким мосткам, и больше не повторял своей ошибки.

Это была его самая лучшая клиентка, она постоянно арендовала «Санта Кармен» для прогулок на ближние острова и для рыбалки, хорошо платила и не изводила пустыми разговорами.

— Куда сегодня, сеньора? — осведомился Пабло, отдавая кормовой швартов.

— К Зеленому гроту! — ответила женщина, распаковывая дорогие удочки.

«Санта Кармен», бойко тарахтя мотором, отошла от пристани, прошла вдоль скалистого берега. Поравнявшись с часовней Девы Охранительницы на скале, Пабло перекрестился, привычно пробормотал молитву. Конечно, погода стояла хорошая, и они не собирались уходить далеко от берега, но, как всякий моряк, человек, жизнь которого зависит от таких ненадежных вещей, как ветер и море, Пабло был суверен, обращал внимание на приметы и предзнаменования.

Лодка вышла дальше в море, сделала широкий плавный полукруг, прошла мимо маленького скалистого островка с характерным названием Козий Рог. Пабло внимательно следил за курсом —

неподалеку от островка под водой прятались опасные камни.

Задул свежий северо-восточный ветерок, на бирюзовых волнах появились белесые барашки. Впереди снова показался высокий берег, в котором, словно стрельчатый портал готического собора, темнел провал огромного грота.

Пабло сбавил ход.

Клиентка насадила наживку, установила удочки вдоль кормы, устроилась в шезлонге.

Прошло полчаса, солнце поднималось все выше, ветерок постепенно стих.

Пабло дремал возле штурвала, сонно поглядывая на медленно проплывающий берег. В ведерке на корме плескалось несколько крупных рыбин.

Вдруг клиентка поднялась из шезлонга, окликнула хозяина лодки и попросила подойти к берегу около самого грота.

Пабло знал о ее страсти и уже хорошо изучил безопасные подходы к скалам. Приблизившись к крутому берегу на самом малом ходу, он застопорил машину. Лодка по инерции прошла последние метры и ткнулась правым бортом в каменистую террасу возле самого входа в грот. Привязанная к борту автомобильная шина смягчила удар.

Клиентка перепрыгнула с борта на плоский камень, прошла по узкой тропке над самой водой и скрылась в гроте.

Пабло не знал, зачем она туда ходит, да это его и не интересовало. Он надвинул на глаза выго-

ревшую кепку и снова задремал. На этот раз ему даже снился сон — Дева Охранительница почему-то строго смотрела на него, грозила рукой...

Пожилая женщина углубилась в грот.

Внутри его царил зеленоватый прохладный сумрак, объяснявший название. И еще усиливалось сходство с древним собором — высокий, теряющийся во мраке стрельчатый свод, величественные пропорции, удивительная акустика, усиливающая любой шепот.

Самый древний в мире собор, выстроенный самой природой десятки тысяч лет назад.

Но пожилая женщина приходила сюда не молиться, не любоваться красотами природы.

Она уверенно подошла к маленькой бухточке в глубине грота, над которой ниже, чем в других местах, нависал темный каменный свод. И в этом своде, как в настоящем соборе, виднелось маленькое круглое отверстие вроде слухового окна. Через это отверстие можно было сверху, со скалы, заглянуть в грот, можно было что-то в него бросить. Местные жители знали про это окошко, называли его Глазом дьявола и верили, что, если в полнолуние прошептать в него сокровенное желание — оно непременно исполнится.

Женщина взгляделась в зеленоватую воду бухточки и увидела то, что ждала: пластмассовую бутылку из-под пепси-колы.

Сняв ботинки и закатав удобные холщовые брюки, она вошла в воду и достала из нее бутылку.

Внутри находился свернутый в трубочку листок бумаги.

Конечно, в гроте, кроме нее, никого не было, но женщина инстинктивно огляделась по сторонам, прежде чем достать листок из бутылки.

Она использовала такие громоздкие, старомодные способы связи, потому что не доверяла современной технике. Интернет, электронная почта, даже телефон — все это слишком ненадежно. Телефон могут прослушать, электронную почту — перехватить.

Кое-кто из коллег смеялся над ее старомодными привычками. Тот же Сэм Роллинс, например... он говорил, что в наше время нельзя обходиться без электронных средств связи. Заказы принимал через Интернет, так же собирал информацию, деньги за выполненную работу ему перечисляли на кодовый счет в банке на Каймановых островах. Он считался лучшим в их профессии — быстрый, аккуратный, безжалостный.

Так его и поймали — хакер, работающий на Интерпол, вычислил физический адрес его ноутбука, и трое агентов накрыли Сэма в маленькой греческой гостинице.

И другие любители современной техники разделили его судьбу — кого убили при попытке ареста, кто отсидживает пожизненное.

А она, со своими устаревшими методами работы, жива и невредима.

Примером для нее служил один из последних крестных отцов сицилийской мафии — он только

потому выстоял в борьбе с законом и дожил до двадцать первого века, что избегал больших городов и не пользовался ни компьютером, ни телефоном. Жил на уединенной ферме в горах, а связывался со своими людьми при помощи записочек, которые носили мальчишки-пастушата.

Так и она — получала записки, которые сбрасывали в Глаз дьявола те, кто нуждался в ее услугах.

Достав из пластиковой бутылки записку, женщина осторожно развернула ее.

Это был список — семь имен, семь адресов, аккуратно выписанных в столбик. Россия, Италия, Кения... Снова Россия... Камбоджа... Австралия... и опять Россия.

Внизу стояла цифра.

Женщина пересчитала нули и удовлетворенно кивнула.

Большая работа, но хорошие деньги.

Она будет вполне обеспечена до конца жизни и наконец-то сможет выйти на покой.

А что? Поселиться в Ринконе навсегда, выходить в море не для прикрытия, а только для рыбной ловли, для прогулок по маленьким безлюдным островкам... в конце концов, что может быть лучше этих скалистых берегов, этого бирюзового моря?

Неподалеку от Ринкона продается чудесный дом на самом краю обрыва, с белым круглым балконом, нависающим прямо над волнами... надо будет прицениться.

Женщина спрятала записку и отправилась обратно. Поднявшись на борт лодки, сказала Пабло, что пора возвращаться.

Перед порталом кафедрального собора Малаги, который местные жители называют одноруким, густо цвели глициния и дамасская роза. На ступенях паперти сидел слепой нищий старик, в шапку которого входящие в храм прихожане бросали мелкие монеты. Старик привычно ощупывал подаяние, чтобы оценить щедрость дарителей и соразмерить с ней свои молитвы.

Возле старика остановилась женщина.

Судя по походке — пожилая, но очень крепкая и выносливая.

Она бросила в шапку одну монету. Старик прикоснулся к ней заскорузлыми пальцами. Монета была необычная — с квадратным отверстием посередине.

Старик поспешно встал, подхватив шапку с подаянием и трость, заменяющую ему глаза. Постукивая тростью, он вошел под тенистые своды собора.

Выждав несколько минут, высокая пожилая женщина в строгом английском костюме тоже вошла в собор.

Пройдя мимо рядов плетеных стульев, она свернула к исповедальне, на которой было написано, что в ней принимают исповедь на португальском языке.

Войдя в темную кабинку, женщина опустилась на скамеечку и вполголоса проговорила:

— Грешна, отец мой... я грешна без меры! Грехи мои тяжким грузом лежат на моих плечах!

— Для того я и нахожусь здесь, чтобы облегчить твой груз! — отозвался из-за деревянной решетки глуховатый голос.

— Что вы должны передать на словах? — прошептала женщина, услышав условную фразу.

— Срок — не более двух недель, — отозвался голос. — И поставка оплачивается только при выполнении всего пакета. Один невыполненный заказ — ничего, кроме аванса. Аванс — как обычно.

Священник ничего не знал о ее работе. Он передавал ей только безопасную информацию и в случае провала не мог быть опасен.

Женщина пошарила под скамьей. Она нащупала там приклеенный скотчем конверт — аванс в чеках на предъявителя, которые невозможно проследить.

Выбравшись на улицу после кастинга, я глубоко вдохнула горячий пыльный городской воздух и поняла, что если не съем сейчас чего-нибудь и не выпью холодненького, то умру прямо на тротуаре. В горле першило от стихов, хотелось чихать от пыли и плакать от разъедающего глаза выхлопа автомобилей. Как люди живут летом в городе? Да и зимой тоже.

Июнь месяц, у меня под окном сейчас распускаются розы. Белая, плетистая, цвета топле-

ного молока и темно-красная. Розовых нету, я вообще терпеть не могу розовый цвет. Еще одуряюще пахнет сирень возле забора, и на кусте жасмина уже бутоны. А про пионы-то я забыла! Небось стоят во всей красе.

Стоп! Опять меня заносит! Где я и где пионы? И розы там же! Их нет, то есть они есть, но меня с ними нету. И никогда больше не будет. От этой мысли захотелось немедленно умереть. Я с ненавистью поглядела на пролетающие мимо автомобили. Ну уж нет, не дождетесь, чтобы я закончила свою жизнь под колесами железного отвратительно пахнущего чудовища!

И я юркнула в первое попавшееся кафе. Там было сумрачно и прохладно, девушка за стойкой разгадывала кроссворд в отсутствие посетителей, по телевизору показывали клип с Димой Биланом. Но звук отключили, так что очень забавно было смотреть, как Дима беззвучно шевелит губами. Сладкого совершенно не хотелось, о десертах со взбитыми сливками на жаре страшно было подумать. Я заказала пиццу с ветчиной и сыром и воду с лимоном, присовокупив, что о кофе подумаю позже.

В кафе не было ни души, сей факт должен был бы меня сразу насторожить, но как всегда я не отреагировала вовремя. Напротив, порадовалась, что никто не станет мешать и приставать с разговорами, и выбрала самый дальний столик, рядом с разлапистой монстерой в огромной кадке.

В пиццу никто не догадался положить ни сыра, ни ветчины, зато наличествовал в огромном количестве томатный соус, от которого у меня свело скулы. Воду девица принесла в простом граненом стакане, не слишком холодную, в ней плавал сильно постаревший кусок лимона. Я подавила в зародыше ужасную мысль, что в этом кафе лимон работает переходящим вымпелом, и его перекладывают из стакана предыдущего посетителя в последующий. Такого быть не может, хотя бы потому, что люди в это кафе не ходят, во всяком случае, за сегодняшний день я — единственный посетитель.

Воду надо подавать в высоком запотевшем стакане, заранее выдавив в нее несколько капелек лимонного сока, и чтобы призывно звенели прозрачные кубики льда, а кусочек лимона сажать на краешек стакана просто для красоты. И обязательно подать соломинку, чтобы тянуть воду не спеша и с наслаждением... Всему этому меня учила Альбина, и, кажется, я преуспела в науке. Во всяком случае, меня хвалили, и даже Володька признавал мои достижения. До поры до времени.

Делать было нечего, и я, чтобы не уходить из прохладного и тихого помещения, стала думать о своей жизни. Точнее, я пыталась найти выход из того тупика, в который попала исключительно по своей невезучести и доверчивости.

Родителей своих я не помню, они развелись вскоре после моего рождения. Тем не менее

они были женаты и даже прожили вместе лет пять. Семейной идиллии помешал ребенок, то есть я. Оказалось, что родители не готовы к бытовым трудностям и могли совместно существовать, пока все было гладко. Все это мне рассказала бабушка, мать отца, она воспитывала меня долгие годы. И рассказала только тогда, когда я подросла настолько, что стала задавать такие серьезные вопросы. Бабушка никогда не ругала никого из родителей, не винила их, а говорила, что я все пойму, когда вырасту. При этом так удрученно качала головой, казалось, что и сама-то она ничего не понимает. И то верно: как могли двое взрослых людей за короткое время так опротиветь друг другу, что пришлось бежать на край света без оглядки, бросив четырехмесячного ребенка? Тысячи, миллионы пар заводят детей, многие испытывают трудности, пока их растят, однако мало кому приходит в голову бросить свое чадо. Это уж пожизненный крест.

Я недолго задавала такие вопросы, стало неинтересно. Все же родители у меня были, потому что регулярно раз в месяц на бабушкин счет в сбербанк переводились приличные суммы денег, я росла вполне обеспеченной. Но одинокой. Очевидно, расспросы любознательных соседей, где же находятся мои мама с папой, сильно повлияли на неокрепшую психику подрастающего ребенка.

Училась я так себе, без особого усердия.